

ЛИЛИЯ ТИМОЛАЕВА

АПТЕКАРЬ—
ПОПАДАНКА:
Истинная
ОГНЕННОГО ДРАКОНА

Лилия Тимолаева

Аптекарь-попаданка:

истинная огненного дракона

<https://litres.ru/74220908>

Аннотация

Вторая книга цикла. Можно читать отдельно.

Я стала истинной огненного дракона. И именно поэтому меня хотят забрать.

Ледяной клан требует выдать меня как ключ к древнему ритуалу, способному переписать судьбу истинных пар. Для Совета я слишком опасна. Для врагов — слишком ценна. А для Рагнара... женщина, ради которой он уже готов пойти против клана, власти и мира между землями.

Но чем сильнее становится наша связь, тем выше цена.

Кто-то знает правду о моём появлении в этом мире. Кто-то уже охотится не за мной — за тем, что связывает нас.

И если я не остановлю древнюю магию вовремя... я стану не спасением огненного дракона, а его гибелью.

Первая книга цикла: “Ненавистная жена огненного дракона”

Содержание

Глава 1. Ледяной ультиматум	4
Глава 2. Жена, которую хотят забрать	32
Глава 3. Новый договор на двоих	55
Глава 4. Лавка против холода	80
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Глава 1. Ледяной ультиматум

Я подняла бровь и тихо сказала:

— Ну что ж, лорд Рагнар. Похоже, вторая часть нашего брака обещает быть ещё веселее.

Сказала — и только потом поняла, что улыбаюсь.

Нервно.

Очень.

Так улыбаются люди, у которых только что в один день случились: признание истинной пары, ритуал, покушение, поцелуй, новый договор с огненным драконом и внезапное известие о том, что у ворот уже стоит ледяной посол с ультиматумом.

То есть, в целом, обычный вторник.

Рагнар смотрел на меня слишком внимательно.

И вот что особенно раздражало: чем дольше я его знала, тем хуже у меня получалось делать вид, что этот взгляд на меня не действует.

Действовал.

Очень.

Но, к счастью, стражник всё ещё стоял перед нами с таким выражением лица, будто очень хотел оказаться в любом другом месте. Хоть на кухне. Хоть в пыточной. Хоть под хвостом у дракона. Где угодно, лишь бы не между нами в тот момент, когда мы оба только что перестали быть просто по-

литической ошибкой и стали чем-то гораздо опаснее.

Личным.

— Где он? — спросил Рагнар.

Стражник сглотнул.

— В нижнем дворе, лорд. С ним шесть сопровождающих, ледяная стража и официальный свиток с печатью Северных земель.

— Конечно, со свитком, — пробормотала я. — Было бы странно, если бы международная катастрофа пришла к нам без красивой бумажки.

Рагнар не отреагировал на сарказм.

Плохой знак.

Это значило, что он уже полностью в режиме главы клана. А этот режим у него, как я успела убедиться, был очень эффективный и очень неудобный для всех окружающих.

— Передай, что аудиенция будет в большом зале, — сказал он. — Через четверть часа.

— Лорд, посол требует немедленно—

— Через четверть часа, — повторил Рагнар так спокойно, что стражник тут же побледнел ещё сильнее. — И пусть запомнит этот ответ.

— Да, лорд.

Стражник исчез.

Я посмотрела ему вслед.

Потом — на Рагнара.

Потом снова на дверь, за которой только что растворился

наш маленький вестник будущих бед.

И только после этого до меня окончательно дошло, что мы стоим посреди коридора, слишком близко друг к другу, после поцелуя, после договора, после всего — и уже через четверть часа должны встречать какого-то ледяного дипломата, который приехал требовать выдать меня как опасную посылку с побочными эффектами.

Прекрасно.

Просто прекрасно.

— Скажите честно, — пробормотала я. — У вас вообще когда-нибудь бывает нормальная семейная жизнь? Ну там, завтрак, спокойный разговор, лёгкий бытовой спор, а не вот это вот всё?

Уголок его губ едва заметно дрогнул.

— Теперь, видимо, уже нет.

— Очень обнадеживающе.

Он сделал шаг ко мне.

Небольшой.

Но я всё равно почувствовала это движение кожей.

— Алина.

— Что?

— Не отходи от меня ни на шаг.

Я медленно скрестила руки на груди.

— О, вот и знакомые интонации. Мы только что заключили новый договор, а вы уже пытаетесь нарушить пункт про отсутствие командного тона.

— Это не команда.

— А что?

Он посмотрел мне в глаза.

Спокойно.

Жёстко.

И с той пугающей прямотой, от которой у меня внутри всё каждый раз опасно сдвигалось.

— Предупреждение.

Ну вот.

Вот за это я его и ненавидела. И не ненавидела. И ещё много чего одновременно, с чем моя нервная система пока категорически отказывалась работать в штатном режиме.

— Вы меня пугаете, — призналась я.

— Так и должно быть.

— А можно в следующий раз обойтись чем-нибудь более романтичным? Например: «дорогая жена, кажется, к нам едет международный кошмар, держись рядом»?

— Нельзя.

— Жаль. Потенциал был.

Он выдохнул почти неслышно, будто боролся одновременно и с усталостью, и со мной, и с собственной привычкой всё контролировать.

Потом вдруг коснулся пальцами моего запястья.

Совсем коротко.

Но после нашего поцелуя любое его прикосновение уже не было просто прикосновением.

— Пойдём, — сказал он.

И вот это прозвучало уже не как приказ.

Хуже.

Как что-то естественное.

Как будто мы действительно теперь были «мы».

Совершенно неприличное ощущение.

Я пошла рядом с ним по коридору и только на втором повороте поняла, что замок уже гудит.

Не громко.

Пока ещё.

Но ощутимо.

Шёпот слуг, быстрые шаги стражи, напряжённые лица советников, мелькающие у лестниц фигуры. Весть о ледяном посольстве разлетелась по крыльям быстрее дыма.

Ну конечно.

Катастрофы вообще почему-то всегда распространяются удивительно организованно.

— Они боятся, — сказала я тихо.

— Да.

— Вас?

— Войны.

— А меня?

Он на секунду повернул голову.

— Тоже.

Я хмыкнула.

— Приятно, конечно, быть женщиной, которая вызывает

столько эмоций, но предпочла бы всё-таки не в международном масштабе.

Мы вошли в мою бывшую, а теперь, кажется, уже вполне официальную гостиную, где всё ещё пахло огнём, воском и совсем чуть-чуть — нами.

Ох.

Не время.

Совсем не время думать об этом.

Служанки уже ждали у дверей с одеждой, водой и тем выражением лиц, какое бывает у людей, которые очень стараются делать вид, что не заметили ни чужого поцелуя, ни чужих глаз, ни того, как всё в этом замке за последние сутки опасно изменилось.

Умные женщины.

Я их мысленно уважала.

— Леди, — склонилась одна из них. — Вам принести платье для зала?

— Мне принести доспехи, — пробормотала я.

Рагнар услышал.

Конечно.

— Доспехов у тебя нет.

— Очень жаль. Я бы сейчас прекрасно себя чувствовала в чём-то, что можно назвать «романтический дипломатический панцирь».

Он повернулся к служанке:

— Тёмно-зелёное. Закрытое. Без лишних украшений.

Я вскинула брови.

— А вы, я смотрю, уже неплохо освоили семейный быт.

— Я просто знаю, что ты ненавидишь, когда тебя превращают в витрину.

О.

Вот это было неожиданно.

Я даже не сразу нашлась с ответом.

Потому что да.

Он знал.

Запомнил.

И, что самое неприятное, учёл.

Нет, ну разве так можно с женщиной, которая только начала привыкать к мысли, что у неё теперь муж не просто огненный дракон, а ещё и опасно внимательный?

— Ладно, — пробормотала я. — Засчитывается.

Пока меня в четыре руки переодевали, заплетали и пытались придать вид женщины, готовой к официальному международному приёму, а не к тому, чтобы схватить кого-нибудь за ворот и вытрясти правду, я думала.

Много.

Слишком много.

Ледяной клан.

Ультиматум.

Сведения о женщине, пережившей сорванный ритуал.

Требование выдать меня.

Это всё слишком точно.

Слишком адресно.

Слишком хорошо рассчитано.

Кто-то не просто знает про Иара. Не просто знает про старый ритуал. Он знает, как связать это со мной. И знает, куда давить, чтобы заставить весь клан Рагнара задёргаться.

То есть мы снова имеем дело не с хаотичным врагом, а с очень умным.

Прекрасно.

Люблю конкуренцию с извращённым стратегическим мышлением. Особенно когда на кону моя шея.

— Леди, — осторожно сказала служанка, застёгивая рукав. — Вам не холодно?

Я моргнула.

— Что?

— У вас руки холодные.

Я опустила взгляд.

И правда.

Пальцы были ледяными.

Символично.

— Всё нормально, — сказала я. — Просто у меня намечается тяжёлая беседа с послом враждебного клана, который хочет меня забрать. Иногда это слегка портит настроение.

Служанка побледнела.

Да.

Наверное, стоило формулировать мягче.

Но мягкость у меня в кризисные моменты отрастала пло-

хо.

Когда я наконец вышла в малую приёмную, Рагнар уже ждал.

Чёрный камзол.

Серебряная застёжка у горла.

Волосы собраны небрежно, но так, будто даже небрежность у него подчиняется чьему-то древнему и очень строгому кодексу.

И глаза.

Холодные.

Собранные.

Опасные.

Только когда он посмотрел на меня, в этой ледяной поверхности на миг дрогнуло что-то совсем другое.

Личное.

Тёплое.

И от этого мне сразу захотелось либо срочно язвить, либо делать ещё более глупые вещи, чем поцелуи с драконами перед объявлением дипломатического скандала.

— Что? — спросила я, когда его взгляд задержался слишком долго.

— Ты бледная.

— А вы прямо сегодня мастер комплиментов.

Он подошёл ближе.

Коснулся большим пальцем моей щеки.

Совсем чуть-чуть.

При служанках.

При открытых дверях.

При всём моём остаточном достоинстве.

— Если станет плохо, сразу скажешь.

Я моргнула.

Раз.

Другой.

И только потом тихо сказала:

— Мне сейчас плохо уже по умолчанию. Но в целом держусь.

Уголок его рта дрогнул.

И снова исчез.

— Хорошо.

— Ничего хорошего, — буркнула я. — Мы идём в зал, где меня официально попытаются объявить опасным объектом. И я даже не уверена, что смогу вести себя прилично.

— Сможешь.

— Вы в меня верите?

— В твой характер? Более чем.

— Очень сомнительная форма поддержки.

Он протянул мне руку.

Я посмотрела на неё.

Потом на него.

Потом снова на руку.

— Это опять обязательно?

— Да.

— У вас удивительно авторитарное представление о романтике.

— Это не романтика.

Я вложила пальцы в его ладонь и тихо ответила:

— А вот это вы сейчас зря сказали.

В большой зал мы вошли вместе.

И если приём прошлой ночью ещё пытался притворяться праздником, то сейчас здесь даже стены знали: будет плохо.

Высокие окна.

Холодный дневной свет.

Совет за длинным столом.

Старшие дома по обе стороны.

Стража плотнее, чем обычно.

И в самом центре, перед закрытыми пока дверями, ведущими во внутренний двор, — напряжение, которое можно было резать ножом и фасовать по склянкам как успокоительное для особо впечатлительных.

Селестина сидела справа от Ардена, бледная и очень собранная. В её лице ничего нельзя было прочесть наверняка, но я уже научилась замечать едва уловимые трещины под идеальной поверхностью. Сейчас они были.

Значит, новости ей тоже не нравились.

Прекрасно.

Хоть в чём-то у нас сохранялось женское единство.

— Лорд Рагнар, — сухо произнёс Арден, когда мы подошли. — Вы приняли решение слишком быстро.

— Нет, — ответил Рагнар, не выпуская моей руки. — Достаточно медленно.

Я едва заметно повернула голову к нему.

О.

Иногда он всё-таки умел так ответить, что мне оставалось только тихо внутренне поаплодировать и не мешать.

Арден поджал губы.

— Ледяной посол уже потребовал, чтобы леди Алина предстала перед ним без промедления.

— Требовать он может у себя дома, — равнодушно сказал Рагнар. — Здесь он будет говорить тогда, когда я позволю.

Ну всё.

С таким началом дальше можно было даже не приносить чай. Сразу подавать дипломатический пепел.

Арден бросил на меня тяжёлый взгляд.

Я мило улыбнулась.

Очень.

— Не смотрите так, — сказала тихо. — Это не я привела к вам ледяной клан. Я, между прочим, сама с удовольствием бы ещё пару часов пожила без международной паники.

— Именно это и вызывает сомнения, — холодно произнёс один из старших.

Я повернулась к нему.

— Простите?

— Вы появились здесь — и клану нет покоя.

О.

Ну конечно.

Вот и любимая стариковская логика: если после появления женщины всё стало сложнее, значит, виновата женщина, а не, скажем, многолетнее коллективное замалчивание проклятий, сорванных ритуалов, внутренних предательств и семейных тайн.

Обожаю.

— А вы уверены, что дело во мне? — спросила я сладко.
— Может, проблема всё-таки в том, что вы столько лет заматали старые ошибки под ковёр, а теперь удивляетесь, что из-под него полезли трупы, враги и дипломатия?

В зале стало тихо.

Арден закрыл глаза.

Селестина едва заметно отвела взгляд, и я почти поклялась бы, что в уголке её губ мелькнуло что-то очень похожее на мрачное удовлетворение.

Да, дорогие старшие. Привыкайте. Теперь я официально не только жива, но и сижу рядом с вашим лордом.

И говорю.

Много.

Рагнар вдруг тихо сказал:

— Достаточно.

Я выпрямилась.

— Это вы мне?

— Пока — всем.

И вот это «пока» прозвучало так, что даже я решила не

испытывать судьбу лишние пять секунд.

Двери распахнулись.

В зал вошёл ледяной посол.

Если бы кто-то когда-нибудь спросил меня, как выглядит мужчина, способный испортить воздух одним своим присутствием, я бы теперь могла ответить очень подробно.

Высокий.

Не ниже Рагнара.

Худой, но не слабый — из тех, в ком опасность не в массе, а в точности.

Платиновые волосы до плеч, собранные назад.

Ледяные глаза. В прямом смысле. Не «холодные», не «светлые». Именно ледяные. С таким прозрачным серым оттенком, будто внутри них зима и никого не спрашивала, нравится ли ей там.

Одежда бело-серебряная, слишком чистая для человека, который только что въехал в огненный замок с ультиматумом. На плечах мех. На груди знак ледяного клана — вытянутый кристалл в круге.

За ним шли шестеро.

Четверо стражников.

Двое советников или магов — я пока не поняла.

И от всех тянуло холодом.

Не метафорическим.

Настоящим.

Воздух в зале стал другим.

Суше.

Резче.

Я произвольно крепче сжала пальцы Рагнара.

Он едва заметно сжал мои в ответ.

Ох.

Очень профессионально.

Очень вовремя.

Очень не помогает мне быть равнодушной.

Посол остановился в центре зала, посмотрел прямо на Рагнара, потом на меня.

И на секунду в его лице мелькнуло что-то, от чего у меня внутри всё нехорошо сжалось.

Узнавание.

Слишком точное.

Слишком уверенное для человека, который видит меня впервые.

— Лорд Рагнар, — произнёс он ровным, низким голосом.
— Рад видеть, что слухи не преувеличивали.

— А я — нет, — спокойно ответил Рагнар. — Назовите цель визита.

Ни приветствия.

Ни поклона.

Ни игры.

Отлично.

Я уже почти любила эту встречу. Чисто за уровень взаимной неприязни.

Посол перевёл взгляд на меня.

— Цель моего визита стоит рядом с вами.

— Цель вашего визита не предмет мебели, — отрезал Рагнар. — Говорите точнее.

О.

Хорошо.

Очень хорошо.

Я даже не ожидала, насколько мне это понравится.

Посол чуть склонил голову.

Совсем немного.

И это движение выглядело не уважением, а тем, что на Земле я назвала бы: «отлично, значит, ты сразу решил усложнить нам жизнь».

— Леди Алина, — произнёс он. — Носительница нестабильной связи. Женщина, вокруг которой уже вспыхнули два ритуальных инцидента, внутренний раскол клана и древний след запрещённого обряда. Северные земли требуют её передачи под стражу ледяного трона до завершения расследования.

Вот так.

Спокойно.

Ровно.

Как будто он попросил не выдать женщину, а прислать документы по налогам.

Зал загудел.

Тихо.

Но очень нехорошо.

Я стояла и смотрела на него, а внутри медленно поднималась та самая холодная злость, которая у меня всегда приходила первой, когда кто-то пытался говорить обо мне так, будто меня здесь нет.

— Ну надо же, — сказала я. — А вы, ледяные, всегда так знакомитесь? Сразу “передайте объект под стражу”, или это я вам особенно понравилась?

Несколько человек в зале дёрнулись.

Посол посмотрел на меня.

Долго.

Без улыбки.

И без раздражения.

Хуже.

С интересом.

— Вы и правда не похожи на описания, — сказал он.

— А вы и правда похожи на головную боль, — любезно ответила я.

Рагнар не двинулся.

Но я чувствовала, как жар вокруг него стал плотнее.

Совсем чуть-чуть.

Ровно настолько, чтобы все присутствующие поняли: ещё немного — и дипломатический разговор рискует перейти в другую фазу.

— Вы прибыли в мой дом, — сказал он тихо. — И потребовали выдать мою жену. Ответ — нет.

Посол даже не моргнул.

— Вы отказываете ледяному клану в праве расследовать угрозу для северных границ?

— Я отказываю вам в праве указывать, что делать в моём клане, — ответил Рагнар.

Жар в зале стал явным.

Лёд от посольства — тоже.

Вот и всё.

Теперь мы все стоим внутри очень вежливого объявления войны.

Я уже хотела снова открыть рот — просто потому, что молчать в такой момент казалось почти неприличным, — но посол сказал следующее:

— Тогда вы, вероятно, готовы взять на себя ответственность за то, что эта женщина является узлом старого сорванного ритуала и может обрушить не только ваш клан.

Тишина.

Абсолютная.

Узел.

Вот это слово мне совсем не понравилось.

Совсем.

Я медленно повернула голову к Рагнару.

Он смотрел только на посла.

Но пальцы его на моей руке стали жёстче.

Значит, слово новое не только для меня.

Прекрасно.

Просто великолепно.

Я снова перевела взгляд на ледяного.

— А вот теперь, — сказала я спокойно, — вы будете объяснять человеческим, драконьим или любым другим внятным языком. Потому что пока я слышу много красивых угроз и очень мало конкретики.

Он посмотрел на меня так, будто именно этого и ждал.

— Конкретика проста, леди Алина. Женщина, пережившая смещение души внутри повреждённой истинной связи, никогда не бывает случайностью.

У меня внутри всё резко похолодело.

Не от его магии.

От смысла.

Смещение души.

Повреждённая истинная связь.

То есть...

Нет.

Подождите.

Стоп.

Я очень медленно выдохнула.

— Вы хотите сказать, — произнесла я, тщательно подбирая слова, — что моё появление здесь не просто редкое магическое совпадение?

— Совпадений не бывает, — ответил он.

О, как же я ненавижу людей, которые говорят вот такими фразами. Особенно когда у них при этом лицо как уходя-

чего снежного надгробия и, что хуже всего, они, возможно, правы.

Зал снова зашумел.

Советники переглядывались.

Старшие начали перешёптываться уже без малейшей попытки изображать выдержку.

И я слишком ясно увидела, как быстро внутри этого прекрасного общества сейчас оживает удобная мысль:

может, и правда отдать.

Меня.

Куда-нибудь.

Подальше.

Во имя общего блага и старых мужских привычек решать судьбу женщин коллективным голосованием.

Ну нет.

Вот просто нет.

Я шагнула вперёд раньше, чем Рагнар успел меня остановить.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда давайте тоже без тумана. Вы пришли не с расследованием. Вы пришли за мной лично. Значит, вы либо знаете, что я такое, либо очень хотите, чтобы ваш клан узнал раньше нас. И если это так, то вопрос уже не в “границах”, а в том, кто первый получит контроль над знанием. Я права?

Посол смотрел не мигая.

Потом едва заметно улыбнулся.

Очень тонко.

Очень неприятно.

— Вы умнее, чем мне говорили.

— А вы менее оригинальны, чем я надеялась.

Я чувствовала, как за моей спиной напрягся весь зал.

Потому что теперь разговор шёл уже не между двумя кланами.

А между ним и мной.

Лично.

А это всегда плохой знак.

— Ответ всё равно остаётся прежним, — жёстко сказал Рагнар.

Посол даже не повернул к нему головы.

— Тогда вы ставите под угрозу мир между севером и югом.

— Не я пришёл в чужой дом с требованием выдать женщину, — ответил Рагнар.

Посол наконец посмотрел на него.

И вот между ними на мгновение возникло что-то такое, от чего у меня по спине пошёл холод уже без всякой магии.

Не просто вражда.

Столкновение сил.

Решений.

Кланов.

Мужчин, каждый из которых привык, что последнее слово должно быть за ним.

Прекрасно.

И я посередине.

Как всегда.

— Вы пожалеете об этом, — тихо сказал ледяной.

— Встаньте в очередь, — не выдержала я. — У меня уже целый замок желающих.

Некоторые советники явно побледнели. Один из ледяных стражников сделал резкое движение, но посол остановил его одним взглядом.

— Вы остроумны, леди Алина, — сказал он. — Посмотрим, сохранится ли это качество, когда вы узнаете всю правду.

— О, нет, — улыбнулась я. — Вот не надо этих драматичных заходов. Говорите сразу или молчите красиво.

Он чуть склонил голову.

— Скоро вы сами попросите нас о разговоре.

И вот тут я уже не сдержалась.

— Не переоценивайте себя.

Он шагнул назад.

Совсем на чуть-чуть.

Но я поняла: на сегодня он сказал всё, что хотел. Он пришёл не договориться. Не получить ответ. Не выторговать.

Он пришёл бросить страх в середину зала.

И, к сожалению, сделал это блестяще.

— До следующей встречи, лорд Рагнар, — произнёс он.

Потом перевёл взгляд на меня.

— Леди Алина.

И в этих двух словах было столько обещания будущих бед, что у меня даже кожа на руках похолодела.

Когда он ушёл, зал молчал секунды три.

Потом заговорили все сразу.

Ну конечно.

Драконье общество, потрясённое новой международной угрозой, — это примерно как аптечная очередь в сезон гриппа, только лучше одетая и с большим количеством угроз.

— Он не блефует.

— Север может перекрыть пути.

— Если ледяные знают о смещении души—

— Мы не можем игнорировать такую угрозу—

— Лорд, нужно срочно—

— Довольно! — рявкнул Арден, но это почти не помогло.

И тогда встал Рагнар.

Просто встал.

Не ударил.

Не повысил голос.

Даже не вспыхнул.

Но вся комната замолчала мгновенно.

Потому что от него пошло то самое ощущение, которое я уже знала: ещё слово против, и тут либо кто-то сгорит, либо хотя бы очень об этом пожалеет.

— Совет собирается через час, — сказал он. — Без гостей. Без слуг. Без паники.

Потом посмотрел на старших.

— И ещё раз, чтобы не тратить время на недопонимание:

Алину я не отдам.

Никаких “пока”.

Никаких “до выяснения”.

Никаких “посмотрим”.

Просто:

не отдам.

У меня сердце сделало какое-то совсем неприличное движение.

Честно говоря, я уже начинала подозревать, что моему организму надо официально запретить реагировать на этого мужчину с такой силой. Потому что однажды я от этого точно умру.

Второй раз.

А это будет уже как-то совсем неловко.

Арден сжал губы.

— Если из-за этого начнётся война—

— Значит, она начнётся не из-за неё, — перебил Рагнар.

— А из-за того, что север решил сунуться туда, где ему не место.

Ну всё.

Вот после такого в комнате уже можно было не проветривать. Только собирать обломки дипломатии по углам.

Совет начали выводить, старшие переговаривались, Се-лестина встала со своего места, прошла мимо меня и едва

слышно сказала:

— Теперь ты понимаешь, что всё стало хуже?

Я посмотрела на неё.

— Нет, — честно ответила я. — Я понимаю, что всё стало честнее.

Она задержала взгляд на секунду.

Потом кивнула.

Очень странно.

Очень коротко.

И ушла.

Когда зал почти опустел, я только тогда поняла, насколько сильно сжала челюсти.

Рагнар подошёл ко мне.

— Ты дрожишь.

— Это не дрожь, — буркнула я. — Это у меня нервная система пытается выбрать между сарказмом, паникой и желанием кого-нибудь ударить.

— Кого именно?

Я посмотрела на двери, за которыми исчез посол.

— Пока список открытый.

Он сделал ещё шаг.

Теперь мы стояли слишком близко для официального зала и уже слишком неофициально для прежних нас.

— Алина.

— Что?

— Что тебя задело больше всего?

Я открыла рот.

Закрыла.

Потом всё-таки честно сказала:

— То, что он не удивился мне.

Рагнар ничего не ответил сразу.

А это, как я уже знала, обычно означало: да, он тоже это заметил, просто ему сейчас не нравится думать в эту сторону.

— Он смотрел так, будто уже знает, что я такое, — продолжила я тише. — И мне это очень не нравится. Потому что я сама до конца не знаю.

Рагнар медленно поднял руку и коснулся пальцами моей щеки.

Невесомо.

Но я всё равно замерла.

Ненавижу, как быстро тело привыкает к хорошему.

— Узнаем, — сказал он.

Я усмехнулась.

— Это вы сейчас обещаете или приказываете?

— И то и другое.

— Стабильный мужчина.

— Смирись.

Я посмотрела на него.

Прямо.

И очень ясно поняла: всё.

Наша жизнь окончательно перешла в новый этап.

Теперь меня не прячут.

Не судят тайно.

Не шепчутся по углам о том, сжечь ли меня через тридцать дней.

Теперь меня требуют официально.

При послах.

При Совете.

При печатях.

И если до этого на меня охотились из теней, то теперь это вышло в свет.

Красиво.

Публично.

Со всеми положенными дипломатическими формулировками.

— Ну что ж, — сказала я тихо. — Похоже, охота на меня теперь стала международной.

Рагнар даже не моргнул.

— Тогда им всем очень не повезло.

Я бы обязательно съязвила что-нибудь ещё.

Обязательно.

Если бы в этот момент снаружи, за тяжёлыми дверями зала, не раздался крик.

Резкий.

Мужской.

Оборвавшийся на полуслове.

А потом — звук стали.

И чей-то голос, полный паники, выкрикнул:

— Лорд! Ледяные не ушли одни! Они что-то оставили у северных ворот!

Глава 2. Жена, которую хотят забрать

Рагнар среагировал раньше, чем я успела хотя бы мысленно выругаться.

То есть почти мгновенно.

То есть как всегда раздражающе эффективно.

Дверь распахнулась, в зал влетел стражник — молодой, взмыленный, с таким лицом, будто снаружи его лично догоняет конец света и уже почти дышит в затылок.

Я, честно говоря, не исключала, что именно так и было.

— Что именно? — холодно спросил Рагнар.

— Ледяной знак, лорд. И... ящик. Запечатанный. На цепях. С печатью посольства.

Я моргнула.

Раз.

Потом ещё раз.

— Очень мило, — пробормотала я. — Просто чудесно. Они теперь ещё и подарки под дверь подкладывают.

— Где? — коротко спросил Рагнар.

— У северных ворот. Наши не трогали. Ждут вас.

Ну хотя бы кто-то в этом замке начал понимать, что подозрительные коробки от враждебного клана лучше не хватать руками.

Рост цивилизации.

Медленный.

Но всё же.

Рагнар уже двинулся к выходу. Я — за ним.

Разумеется.

Потому что если кто-то думает, что после слов “ледяной клан оставил ящик на цепях у ворот” я останусь спокойно стоять в зале, то этот кто-то меня вообще не знает.

Я успела сделать ровно три шага, прежде чем Рагнар резко остановился, развернулся и перегородил мне путь.

— Нет.

Я уставилась на него.

— Простите?

— Ты останешься здесь.

Я даже рассмеялась.

От усталости.

От злости.

От совершенно нечеловеческой способности этого мужчины говорить мне “нет” именно в тот момент, когда это бесит сильнее всего.

— Слушайте, — сказала я очень ласково. — Мы вроде только что прошли тот этап отношений, где вы пытались запереть меня ради моего же блага.

— Алина.

— Нет, это вы сейчас слушайте. У северных ворот лежит подозрительный ящик, который оставили те самые ле-

дяные, что явились требовать меня под официальную стражу. И вы всерьёз думаете, что после этого я останусь здесь и буду изображать мебель?

Его взгляд стал тяжелее.

— Я думаю, что они могли оставить это именно для тебя.

— Прекрасно, — кивнула я. — Тогда тем более мне стоит посмотреть.

— Именно поэтому — нет.

Ох.

Вот как же иногда хочется взять умного, сильного, красивого дракона за плечи и хорошенько встряхнуть. Не потому, что не прав. Хуже. Потому что иногда прав настолько, что сразу хочется спорить назло.

— Вы обещали не решать за меня, — сказала я тише.

Он молчал секунду.

Потом ещё.

Плохой знак. Когда Рагнар молчит так долго, это значит, что внутри у него сейчас идёт ожесточённая борьба между “я глава клана, и я её не пущу” и “я уже сказал, что она не вещь”.

Очень надеюсь, что вторая часть побеждает. Иначе у меня снова будет день борьбы за собственную субъектность, а я, между прочим, уже устала.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Рядом со мной. Ни шага в сторону.

Я медленно улыбнулась.

— Ну вот. Уже гораздо больше похоже на брак, а не на арест.

— Не увлекайся.

— Поздно.

Мы вышли из зала быстро. Стража подтянулась следом, будто вокруг нас образовалось новое маленькое государство под названием “охранять Алину, пока всё не стало ещё хуже”.

Ненавижу это ощущение.

Не саму охрану.

То, что все вокруг уже смотрят на меня как на точку приложения катастрофы.

Не женщину. Не аптекаря. Не даже истинную пару лорда. А нечто, вокруг чего собирается гроза.

Коридоры гудели. Слуги прижимались к стенам. Кто-то шептался, кто-то явно делал вид, что не шепчется, но выходило плохо. Весть о ледяном посольстве ещё не успела улечься, а у нас уже новый сюрприз у ворот.

Прекрасный день для нервной системы.

Северные ворота находились в каменном пролёте нижнего двора, где обычно было прохладно даже летом. Сейчас там, кажется, можно было хранить мясо без всяких погребов: от оставленного посольством “подарка” тянуло таким холодом, что у меня даже зубы на секунду свело.

Я остановилась рядом с Рагнармом и уставилась на ящик. Высокий.

Металлический.

Тёмное дерево, обитое серебром.

Цепи.

Синеватый иней по углам.

На крышке — ледяной знак, выжженный не огнём, а будто самой морозной трещиной.

И всё это стояло прямо у наших ворот, посреди двора, как приглашение к международному унижению.

— Никто не трогал? — спросила я.

— Нет, леди, — отозвался стражник.

— И слава всем богам.

Я шагнула ближе.

Рагнар тут же перехватил меня за локоть.

— Осторожнее.

— Да знаю я, — буркнула. — Подозрительные коробки с цепями и ледяной печатью редко содержат печенье.

Я присела на корточки перед ящиком, стараясь не касаться. От него пахло... снегом. Чистым льдом. Металлом. И ещё чем-то едва уловимым, от чего у меня нехорошо жалось внутри.

Знакомым.

Очень.

Я втянула воздух ещё раз.

И похолодела.

— Нет.

— Что? — резко спросил Рагнар.

Я подняла голову.

— Это не просто холод.

— Объясни.

— Я уже чувствовала такой запах, — сказала тихо. — На том графине. И в остатках состава после ритуала. Не сам яд. След. Основа. Какая-то ледяная смола или кристаллическая связка. Они не просто пришли с ультиматумом. Они пришли, уже зная, как работает то, что било по вам и по связи.

Лицо у него стало ещё спокойнее.

А я уже знала: если лицо Рагнара стало совсем спокойным, значит, кому-то скоро будет очень плохо.

— Открыть? — спросил один из стражников.

Я резко подняла руку.

— Не смейте.

Он замер.

Умница.

— Почему? — тихо спросил Рагнар.

— Потому что они слишком театральны для пустой угрозы. Если бы хотели просто напугать — хватило бы письма. Если оставили ящик, значит, хотят, чтобы мы его открыли. А когда враг очень хочет, чтобы ты что-то сделал, надо сначала подумать, не идиот ли ты.

Один из старших во дворе скривился.

— Мы не можем стоять здесь и гадать.

Я не глядя ответила:

— А я не предлагаю гадать. Я предлагаю не взорваться,

не отравиться и не выпустить ещё одну древнюю дрянь себе под ноги ради скорости.

Тишина.

Хорошая.

Правильная.

Значит, слышали.

Я обошла ящик сбоку. На одной из цепей висел свиток.

Ну конечно.

Я даже закатила глаза.

— Они прямо из кожи вон лезут, чтобы выглядеть красиво.

— Не трогай, — сказал Рагнар.

— Я не трогаю. Я осматриваю. Это разные формы вредного поведения.

Я наклонилась ближе.

Печать была не магической — обычный воск, только очень холодный, с ледяным клеймом. Свиток можно было снять, не открывая сам ящик.

— Дайте нож, — сказала я.

Стражник тут же протянул кинжал рукоятю вперёд. Я аккуратно подцепила ленту, срезала, не касаясь руками, и только после этого развернула бумагу.

Почерк был тонкий. Ровный. Противно красивый.

Я прочитала вслух:

— “Раз вы не желаете передать женщину добровольно, примите первый знак того, чем она уже стала. Север терпе-

лив, но не бесконечно. Откройте — и увидите, что огонь не умеет хранить своё”.

Молчание.

Очень нехорошее.

Я дочитала, перевернула лист.

Пусто.

— О, замечательно, — пробормотала я. — Ещё и с дешёвым драматизмом.

— Что внутри? — спросил кто-то из старших.

— Вот прямо сейчас узнаем, — тихо сказала я. — И очень надеюсь, что это не очередная попытка устроить мне нервный тик.

Рагнар шагнул ко мне.

— Отойди.

— Нет.

— Алина.

— Нет. Я не встану за вашу спину и не буду ждать, пока кто-то снова решит за меня, что мне можно видеть, а что нет.

Его глаза опасно потемнели.

— А я не позволю тебе первой лезть в неизвестную дрянь.

— Тогда лезем вместе.

Вот теперь он замолчал.

И в этот момент я очень остро почувствовала десятки взглядов вокруг. Стража. Старшие. Слуги на галереях. Все смотрели на нас не только как на лорда и женщину, из-за которой, по их мнению, началась международная истерика.

Они смотрели как на пару.

Настоящую.

Ту, где уже нельзя просто приказать и подчиниться. Потому что всё, слишком поздно. Мы уже перешли в ту стадию, где либо учимся стоять рядом, либо ломаем друг друга быстрее, чем нас убьют враги.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Вместе.

Вот так.

Коротко.

Но, что важнее, вслух.

Я кивнула.

Стражники осторожно оттянули цепи. Маг у ворот поставил защитный контур — не идеальный, но на случай, если из ящика вдруг вылетит что-то особенно мерзкое. Я стояла рядом с Рагнармом так близко, что чувствовала жар его тела даже сквозь холод, который шёл от ящика.

Мы вместе подняли крышку.

Внутри лежал лёд.

Много.

Не обычный — прозрачный, слоистый, будто на дне маленькой замороженной могилы.

А в центре — женский браслет.

Тонкий.

Золотой.

С тёмно-красным камнем.

Я замерла.

Потому что узнала его сразу.

Видела раньше.

На одном из старых портретов в закрытом коридоре. На женщине, чьё имя всплывало шёпотом и недоговорённостью, как будто даже стены не хотели произносить его вслух.

— Иара, — выдохнула Селестина за моей спиной.

Я резко обернулась.

Она стояла у края двора, слишком бледная даже для себя.

И смотрела на браслет так, будто ей только что в лицо швырнули мёртвую семейную тайну.

— Вы уверены? — спросила я.

— Это браслет её линии, — тихо ответила она. — Его носили только старшие женщины Арден.

Ну всё.

Теперь уже точно никто не сможет сделать вид, что всё это просто цепочка неудачных совпадений и одной слишком активной попаданки.

Я снова повернулась к ящику.

И только теперь заметила ещё кое-что.

Подо льдом, под самым дном, лежал клочок ткани.

Тёмный.

Почти чёрный.

А на нём — рыжеватый след.

Будто старая кровь.

— Не трогайте, — сказала я быстро.

— Я и не собирался, — отозвался Рагнар.

— Это не вам. Вы-то как раз в последние часы удивительно обучаемы.

Уголок его рта дрогнул.

Вот и отлично. Живой. Значит, пока не прибыю.

Я присела ближе, вгляделась.

На ткани был вышит знак.

Не Арден.

Не ледяной клан.

Другой.

Три пересекающиеся линии в круге.

Странный символ, который я не видела раньше, но от него по коже почему-то побежали мурашки.

— Кто-нибудь знает этот знак? — спросила я.

Тишина.

Потом один из пожилых магов у стены резко побледнел.

О.

Вот это уже интересно.

— Говорите, — повернулся к нему Рагнар.

Маг помедлил.

Слишком долго.

— Это... старый знак хранителей ритуального огня, — выдавил он наконец. — Орден, который распустили много лет назад.

Я очень медленно выпрямилась.

— Распустили? Или “официально перестали обсуждать”, как всё хорошее в этом замке?

Никто не ответил.

Какая неожиданность.

Я перевела взгляд на браслет, лёд, ткань.

И картинка начала складываться.

Очень дрянная картинка.

— Они хотят не просто напугать, — сказала я тихо. —

Они показывают, что у них есть связка: Иара, старый ритуал и хранители огня. То есть кто-то когда-то не просто выжил. Кто-то выжил, получил помощь и теперь вытаскивает на свет всё, что вы так удобно закопали.

— Мы и без тебя это понимаем, — раздражённо бросил один из старших.

Я резко повернулась к нему.

— Нет. Вы не понимаете. Потому что если бы понимали, вы бы уже перестали смотреть на меня как на причину проблемы и начали смотреть на себя как на её питательную среду.

Во дворе повисла гробовая тишина.

Прекрасно.

Значит, попала.

Рагнар тихо сказал:

— Все в зал. Немедленно. Ящик не трогать. Магов оставить. Селестина — тоже с нами.

О.

Интересно.

Очень.

Селестина подняла голову и посмотрела на него так, будто в обычный день нашла бы, что ответить. Но сегодня был не обычный день. Сегодня ей под дверь положили браслет мёртвой родственницы из стёртой части семейной истории.

Она ничего не сказала.

Просто пошла.

В большом зале нас осталось всего пятеро: я, Рагнар, Арден, Селестина и старший маг. Воздух внутри был уже не напряжённый. Хуже. Натянутый до звона.

Я стояла у стола и смотрела на карту северных земель на стене, пока за спиной собирались объяснения, которых никто не хотел давать первым.

Обычное утро.

Абсолютно.

— Начинайте, — сказал Рагнар.

Арден раздражённо выдохнул.

— Сейчас не время для взаимных обвинений.

— Нет, — спокойно ответил Рагнар. — Сейчас как раз время для правды. Потому что ледяной посол пришёл не просто за Алиной. Он пришёл с историей, которой слишком хорошо владеет. Значит, кто-то позволил этой истории дожить до сегодняшнего дня.

Маг опустил глаза.

Селестина стояла прямее, чем обычно. Почти не дышала. Я медленно повернулась.

— Так. Давайте коротко. Что за хранители огня, кто помог

Иара выжить и почему я узнаю всё это не раньше, чем мне подсовывают семейные реликвии в ящике со льдом?

Арден сжал губы.

— Это были жрецы старого обряда. До того как ритуалы подчинили Совету, они отвечали за признание истинных пар и за чистоту огненной линии.

— Подчинили? — переспросила я. — То есть раньше кто-то стоял над кланом?

— Раньше, — сухо сказал Арден, — порядок был иным.

— Очень ёмко. Сразу всё стало понятно.

Рагнар бросил на меня короткий взгляд. Не предупреждающий. Скорее... признающий, что да, я сейчас имею полное право язвить.

Приятно.

— После истории с Иара, — продолжил маг, — часть хранителей исчезла. Считалось, что их влияние сломлено.

— А по факту? — спросила я.

Он посмотрел на меня с таким видом, будто очень хотел бы, чтобы я перестала задавать прямые вопросы и начала вести себя как удобная, молчаливая женщина из старого портрета.

Очень жаль.

— По факту, видимо, нет, — сказал он.

Я кивнула.

— Отлично. Значит, имеем следующее: меня хочет забрать ледяной клан, внутри вашей истории торчат полужи-

вые хранители огня, Иара была не просто жертвой, а частью чего-то большего, и кто-то уверен, что я — “узел”. У меня только один вопрос. Самый неприятный.

Рагнар смотрел на меня не мигая.

— Какой?

Я выдохнула.

— Они собираются не убить меня. Они собираются меня использовать.

Тишина.

Вот такая, после которой обычно даже самые тугие нако-нец понимают, что дело дрянь.

Селестина первой нарушила молчание:

— Да.

Я перевела на неё взгляд.

Она стояла, сжав пальцы так сильно, что костяшки побелели.

— Если ледяные требуют тебя не мёртвой, а под стражу, — тихо продолжила она, — значит, им нужна не месть. Им нужен доступ.

— К чему? — спросила я.

Она посмотрела прямо.

— К связи.

Вот теперь мне стало по-настоящему не по себе.

Потому что одно дело — быть женщиной, из-за которой в замке сплошные покушения и дипломатический цирк.

И совсем другое — услышать, что кому-то нужен доступ

к тому, что теперь живёт между мной и Рагнаром.

К связи.

К той самой, которая уже горела в ритуале.

К той самой, которую пытались сорвать.

К той самой, из-за которой он признал меня своей истинной.

Я очень медленно повернула голову к нему.

Он уже смотрел на меня.

Темно.

Жёстко.

И слишком лично для зала, полного старых тайн.

— Поэтому ты от меня не отойдёшь, — тихо сказал он.

О.

Вот теперь всё.

Тут я уже вспыхнула по-настоящему.

— Нет.

Арден закрыл глаза.

Селестина едва заметно вскинула брови.

А Рагнар даже не шелохнулся.

— Алина.

— Нет, — повторила я, уже громче. — Вот именно это вы сейчас не будете делать.

— Делать что?

— Превращать меня в ценный объект на охране! — рявкнула я. — Выслушайте себя. “Не отходи”. “Охрана”. “Под стражей”. “Доступ к связи”. Я вам кто сейчас? Жена? Ис-

тинная? Или красивая опасная вещь, которую нужно срочно унести под замок, пока её не утащили другие?

Он сделал шаг ко мне.

— Я пытаюсь защитить тебя.

— А я пытаюсь остаться человеком! — отрезала я. — Не сундуком с ключом. Не реликвией. Не сосудом для вашей магии. Я живая. Я думаю. Я работаю. И если кто-то хочет использовать меня, значит, мне нужно понимать как, а не сидеть под охраной и ждать, пока вы, мужчины и советы, решите всё за меня!

В зале стало тихо.

Совсем.

У Ардена было лицо человека, который очень хотел бы оказаться прямо сейчас в любом другом конфликте, желательно не между главой клана и его новой официально неуправляемой женой.

Селестина смотрела на меня с каким-то странным выражением. Не злорадным. Не холодным. Почти... понимающим.

Очень неприятное ощущение. Я ещё не привыкла к тому, что женщины, которых я раньше считала чистой проблемой, иногда вдруг начинают понимать меня слишком хорошо.

Рагнар подошёл вплотную.

Слишком.

И тихо сказал:

— Ты думаешь, я не вижу разницы?

Я стиснула челюсти.

— Иногда — нет.

Его взгляд потемнел.

— Я не собираюсь запирать тебя.

— Тогда почему всё это звучит именно так?

— Потому что если тебя попытаются забрать силой, я не хочу думать, успею ли.

Ох.

Вот это было уже нечестно.

Совсем.

Потому что он сказал это не как лорд.

Не как глава клана.

Как мужчина, которого действительно пугает сама мысль, что меня могут вырвать у него из рук.

И хуже всего — я это услышала.

Поняла.

И всё равно злилась.

Потому что страх не даёт права решать за меня.

— Тогда не запирайте, — сказала я тише. — А говорите со мной.

Он молчал.

Я тоже.

Несколько бесконечных секунд.

Потом Арден осторожно кашлянул, как человек, который чувствует, что ещё чуть-чуть — и окажется свидетелем семейной сцены уже не политического, а совершенно иного ха-

рактера.

— Лорд, — сказал он, — с практической точки зрения охрана всё же необходима.

Я даже не обернулась.

— Охрана — да. Клетка — нет.

Рагнар смотрел ещё секунду.

Потом очень медленно кивнул.

— Хорошо.

Я моргнула.

Раз.

Другой.

— Так быстро?

— Не провоцируй.

— Я не провоцирую. Я удивляюсь.

— Это хуже.

Уголок моих губ дёрнулся.

Совсем чуть-чуть.

Ну вот. Даже посреди ссоры, дипломатического давления и ощущения, что меня хотят превратить в магический рычаг международного масштаба, этот мужчина всё равно умудряется звучать так, что мне хочется одновременно спорить, смеяться и вцепиться ему в ворот.

Нездорово.

Крайне.

— Значит, так, — сказал он уже жёстче, обращаясь ко всем. — У Алины будет личная охрана. Без запираания. Без

ограничений внутри замка, кроме северного крыла и внешних ворот без моего ведома. Все входы в нижнюю лавку — под контроль. Тайные проходы проверяются заново. Любой ледяной след — немедленно ко мне.

— О, прекрасно, — пробормотала я. — Всё-таки полуживой дипломатический режим.

— Алина.

— Я сказала, клетка — нет. Про режим ничего не обещала.

Селестина вдруг тихо произнесла:

— Ей стоит рассказать про зимнюю привязку.

Я резко повернулась.

— Про что?

Арден побледнел.

Маг отвернулся.

А Рагнар очень медленно перевёл взгляд на Селестину.

Вот это уже стало по-настоящему интересно.

Потому что если в комнате, полной людей, привыкших хранить тайны, кто-то вдруг сам решает заговорить — значит, тайна особенно мерзкая.

— Что за зимняя привязка? — спросила я.

Селестина смотрела прямо на меня.

И голос у неё был ровный, но слишком уж спокойный. Как у человека, который давно знает что-то страшное и только сейчас решился вытащить это наружу.

— Если ледяные и правда знают, как работать с повре-

ждённой истинной связью, — сказала она, — они могут не убивать тебя и не забирать сразу. Они могут привязать тебя к своему холоду на расстоянии. Медленно. Через знак, предмет, кровь или ритуальный след. Тогда через некоторое время ты сама начнёшь тянуться туда, где тебе опаснее всего.

У меня внутри всё оборвалось.

Тихо.

Очень.

— Простите... что?

— Это старый способ перехвата связи, — глухо сказал маг. — Мы думали, он утрачен.

— Вы вообще много чего думали, — выдохнула я. — И, как я погляжу, довольно бесполезно.

Я медленно опустилась в кресло у стола.

Не потому что испугалась.

Хуже.

Потому что вдруг стало ясно: меня действительно могут не похищать.

Не хватать.

Не уносить в мешке.

Меня могут просто... заставить однажды самой пойти туда, куда мне нельзя.

Ох.

Какой изящный кошмар.

Я подняла взгляд на Рагнара.

— Вот теперь, — сказала тихо, — я начинаю понимать,

почему вы звучали так, будто хотите привязать меня к собственному плечу.

Он подошёл ближе.

Остановился рядом.

— Я не хотел пугать тебя раньше времени.

— Поздравляю. Не получилось.

Он опустил взгляд.

И я вдруг очень ясно увидела на его лице то, чего почти никогда не видела раньше.

Бессилие.

Совсем немного.

Но было.

И вот это ударило по мне сильнее, чем сам рассказ о зимней привязке.

Потому что Рагнар, который чувствует бессилие, — это уже не просто опасность.

Это масштаб.

Очень плохой масштаб.

— Так, — сказала я, заставляя себя собраться. — Хорошо. Отлично. Раз меня потенциально можно привязать через холодный след, предметы и магическую дрянь, значит, сидеть и дрожать — не вариант. Мне нужен доступ в лавку. Мне нужны мои записи. И мне нужно понять, чем можно снимать или хотя бы отслеживать такую привязку.

— Я знал, что ты это скажешь, — тихо произнёс Рагнар.

— Конечно. Я же не ваша декоративная трагедия. Я апте-

карь.

Он посмотрел так, будто именно за это и цеплялся сейчас сильнее всего.

За мой ум.

За мою привычку работать, когда страшно.

За то, что я не рассыпаюсь, а ищу, чем ответить.

Опасное чувство.

Очень.

— Хорошо, — сказал он. — Идём в лавку. Вместе.

Я поднялась.

Кивнула.

И только когда мы уже выходили из зала, очень ясно поняла одну простую вещь:

теперь меня хотят забрать не потому, что я мешаю.

А потому, что я нужна.

И, если честно, это пугало куда сильнее.

Глава 3. Новый договор на двоих

Мы с Рагнаром шли по коридору к моей лавке, и я впервые за всё время не пыталась шутить хотя бы каждые полторы минуты.

Не потому что внезапно поумнела.

Потому что внутри стало слишком тихо.

А я уже успела понять: когда у меня внутри слишком тихо — это плохо. Значит, мозг не отвлекается на сарказм. Значит, он считает. Сопоставляет. Складывает. И почти всегда складывает что-нибудь такое, после чего хочется немедленно лечь лицом в подушку и сделать вид, что никакой попаданки, драконов, истинных связей и ледяных послов не существует.

К сожалению, у меня не было ни времени, ни морального права на красивые нервные срывы.

Слишком роскошно.

Не мой бюджет катастроф.

Рядом шёл Рагнар. Слишком близко, слишком молча, слишком собранно. За нами — двое стражников. Спереди — ещё двое. Вот она, новая жизнь. Буквально вчера тебя целовали у стены после заключения нового брачного договора, а сегодня ты уже стратегически важная персона под конвоем.

Романтика уровня высшей политики.

— Не смей сейчас говорить, что это не конвой, — про-

бормотала я, не глядя на него.

— Это не конвой.

— Ну конечно. Это, видимо, прогулка в расширенном составе по очень личным причинам.

— Алина.

— Что?

— Лучше злись, чем молчи.

Я повернула голову.

О.

Интересно.

— Это вы сейчас пытаетесь меня отвлечь?

— Нет. Я пытаюсь понять, насколько всё плохо.

— Очень мило, — кивнула я. — Раньше вы просто смотрели, не умираю ли я. А теперь уже оцениваете состояние по уровню сарказма.

— Это работает.

— К сожалению, да.

Мы спустились на нижний уровень. Воздух стал прохладнее, привычнее. Пахло камнем, сушёными травами, воском и тем самым ощущением рабочего беспорядка, от которого мне всегда становилось чуть легче. Даже если в этот рабочий беспорядок периодически врывались убийцы, ледяные послы и древние культы.

Моя лавка встретила нас тишиной.

Почти нормальной.

Без дыма из стен. Без взрывов. Без чых-то угрожающих

шёпотом из тайных проходов.

Уже успех.

Я вошла первой, бросила взгляд на полки, на стол, на связки сушёных трав под потолком и только тогда почувствовала, как грудь отпустило хотя бы чуть-чуть.

Дом.

Ну, насколько вообще можно назвать домом подвал в замке драконов, где тебя хотят использовать как магический рычаг международного масштаба.

Но всё же.

— Закрыть двери, — сказал Рагнар стражникам.

Я тут же обернулась.

— Нет.

Он посмотрел так, будто ожидал именно этого слова.

— Что опять?

— Вот именно это “закрыть двери” мы сейчас и обсудим.

Стражники замерли на пороге.

Умницы.

Привыкли уже, что рядом со мной приказы иногда внезапно превращаются в обсуждение семейной политики.

Рагнар медленно вошёл за мной в лавку. Дверь за его спиной осталась приоткрытой. Это он, видимо, так проявлял добрую волю, чтобы я не начала кусаться сразу.

Поздно.

Я уже начала.

— Говори, — сказал он.

— С удовольствием, — отозвалась я и стянула перчатки. — Потому что, кажется, без отдельного разговора у нас опять получится не “мы действуем вместе”, а “я всё решу за тебя, а ты потом оценишь, какой я заботливый”.

Он скрестил руки на груди.

Вот именно в этот момент он был особенно невыносим.

Высокий. Спокойный. Красивый. Упрямый. И с таким лицом, будто заранее знает, что половина моих претензий разумна, но это совершенно не значит, что он немедленно капитулирует.

Ужасный мужчина.

Опасно подходящий мне по темпераменту.

— Ты хочешь спорить сейчас? — спросил он.

— Нет, — честно ответила я. — Я хочу договориться так, чтобы в следующий раз не спорить на бегу, когда у ворот лежит ледяной ящик, а вокруг нас дежурит половина стражи.

Он помолчал.

Потом коротко кивнул.

— Хорошо.

Ну вот. Когда хочет, может же разговаривать как взрослый человек, а не как стихийное бедствие в красивом камзоле.

Я подошла к столу, опёрлась ладонями о дерево и несколько секунд просто дышала.

Потому что разговор был нужен.

Очень.

И потому что, если я сейчас скажу всё слишком резко, он

уйдёт в свою любимую ледяную собранность, а мне нужен был не лорд Рагнар в режиме “я решаю”, а мужчина, с которым я, кажется, только что пообещала быть женой по-настоящему.

Разница, между прочим, принципиальная.

— Смотрите, — сказала я наконец. — Нет, лучше слушайте. Потому что с вами иногда бесполезно, когда вы просто смотрите. Вы выглядите так, будто уже всё решили за троих вперёд.

Уголок его рта дрогнул.

Совсем чуть-чуть.

— Я слушаю.

— Хорошо. Тогда начнём с простого. Я не вещь.

— Я знаю.

— Нет, — покачала я головой. — Вы это понимаете умом. Но когда становится страшно, вы начинаете действовать так, будто я не человек, а очень ценная магическая проблема, которую нужно немедленно окружить людьми, приказами и стенами.

Он не отвёл взгляд.

Правильно. Пусть слушает.

— Я понимаю, почему вы это делаете, — продолжила я уже тише. — Правда. После того, что мы сегодня услышали, после этого посла, после “зимней привязки”... Мне самой страшно. Но если вы хотите, чтобы я не чувствовала себя пленницей в собственном браке, вам придётся перестать ме-

ня “оберегать” так, будто я не способна думать и выбирать.

Он стоял неподвижно.

Слишком.

И только пальцы на предплечье чуть заметно напряглись.

— Я не считаю тебя слабой, — сказал он.

— А звучит всё равно именно так.

— Потому что я знаю, насколько серьёзна угроза.

— А я не знаю, — резко ответила я. — И вот это уже вторая проблема.

Тишина в лавке стала плотной.

За дверью тихо переступил кто-то из стражи. В котле у стены еле слышно потрескивало остаточное тепло. А я смотрела на Рагнара и очень отчётливо понимала: если мы сейчас это не проговорим, дальше будет только хуже.

— Вы снова начали решать, что мне можно знать, а что нет, — сказала я. — И мне это не нравится.

Он шагнул ближе.

— Я ещё ничего не скрыл.

— Правда? — вскинула я брови. — Тогда почему про “узел”, “зимнюю привязку” и половину других прекрасных вещей я узнаю не от вас, а в зале, при Совете, при Селестине и при старом маге, который, кажется, мечтает сам себя зашить в архив?

Он выдохнул.

Тихо.

Очень.

Вот так обычно дышат люди, которые понимают, что сейчас придётся признать неприятное.

Отлично.

Мы на верном пути.

— Я не хотел бросать это на тебя сразу, — сказал он.

— А я не хочу, чтобы на меня бросали это потом, когда уже поздно.

Его взгляд стал жёстче.

— Ты думаешь, мне легко это говорить?

— А вы думаете, мне легко жить внутри этого?

Он замолчал.

И вот теперь — попала.

Потому что да. Я жила внутри этого. Внутри чужого тела, чужого брака, чужих старых тайн, чужой магии. А теперь ещё и внутри связи, которую могут пытаться перехватить, как особо ценный мост через пропасть.

Я заставила себя смягчить голос.

— Рагнар. Если мы с вами теперь не по приговору, не по отсрочке и не по необходимости, то давайте хотя бы попробуем быть на одной стороне нормально. По-настоящему. Без этого вашего “я всё вынесу один”.

Он смотрел долго.

Слишком долго.

Упрямый, невозможный дракон.

А потом тихо спросил:

— Что ты хочешь от меня сейчас?

О.

Вот это уже был хороший вопрос.

Правильный.

И опасный.

Потому что я знала ответ. Очень хорошо знала. И если произнесу его вслух, потом уже не получится сделать вид, что мы всё ещё в старой фазе.

— Я хочу новый договор, — сказала я.

Он не дрогнул.

Только глаза стали внимательнее.

— Мы уже заключили один.

— Нет. Мы заключили договор про “оставайся” и “не решай за меня”. А теперь нужен взрослый. Рабочий. На случай, когда нас пытаются разорвать по частям, а вы начинаете вести себя как глава клана раньше, чем как мой муж.

Уголок его рта дёрнулся.

— Ты умеешь делать формулировки особенно болезненными.

— Это профессиональное. Я аптекарь. Мы вообще не любим неясные инструкции.

Я выпрямилась и начала считать на пальцах.

Да. Именно так. Как будто собираюсь не выстраивать с огненным драконом новый уровень доверия, а объяснять очередному клиенту, почему нельзя запивать сильное средство вином и ожидать духовного роста.

— Первое, — сказала я. — Никаких решений о моей без-

опасности, перемещениях, магической природе, угрозах, переговорах и всём, что связано лично со мной, без разговора со мной.

— Если нет времени на разговор?

— Тогда коротко и честно. Не “делай, как сказано”. А “опасность такая, решение такое, спорить будем позже”.

Он помолчал.

Потом кивнул.

— Принимается.

Я моргнула.

Раз.

Ну вот. А я уже морально готовилась к получасовой борьбе и двум драматичным поворотам.

— Так быстро?

— Ты права.

Ой.

Нет.

Нет-нет.

Вот так нельзя.

Когда этот мужчина спокойно признаёт, что я права, у меня внутри сразу начинается что-то очень подозрительно похожее на слабость в коленях.

Нездорово.

— Ладно, — пробормотала я. — Не привыкайте. Второе. Никаких секретов, которые касаются меня лично.

— В пределах разумного.

— Нет. Без этого вашего “разумного”.

— Алина.

— Нет, это вы послушайте. Если я — этот ваш “узел”, если меня можно куда-то привязать, если я нужна ледяным не мёртвой, а живой, значит, любая тайна про это — уже не просто тайна клана. Это информация о моём собственном теле, моей магии и моей жизни. И я не собираюсь жить в темноте просто потому, что вам так спокойнее.

Его взгляд задержался на мне.

Очень.

И я вдруг с неприятной ясностью поняла, что сейчас он видит меня не как раздражающую упрямицу, а как человека, который действительно просит не защиты даже.

Равного участия.

Того, что ему, возможно, давать труднее всего.

— Хорошо, — сказал он после паузы. — Всё, что касается тебя напрямую, я больше не скрываю.

Я кивнула.

Вот.

Уже лучше.

— Третье. Мы действуем вместе.

— Это и так очевидно.

— Нет. Пока это звучит красиво, но по факту выглядит так: вы идёте давить авторитетом, я отдельно бегу в лавку спасать ситуацию, а потом мы оба почти умираем, потому что враг оказывается умнее. Мне это надоело.

На этот раз он усмехнулся.

Коротко.

— Формулировка “отдельно бегу в лавку спасать ситуацию” звучит так, будто ты считаешь это моей привычкой.

— А это и есть ваша привычка. Как и моя. Вот именно поэтому нам и нужен договор. Вы — власть, клан, Совет, стража, дипломатия, все эти ваши суровые взгляды, после которых люди начинают каяться даже в том, чего не делали. Я — лавка, зелья, тело, симптомы, следы, ингредиенты и всё то, что вы обычно замечаете только когда оно уже шипит в котле.

— И?

— И мы перестаём работать параллельно, — сказала я жёстко. — Мы работаем вместе. Вы не лезете в мои составы с видом “женщина опять варит непонятное”, а я не узнаю о международном кошмаре в тот момент, когда он уже стоит в зале.

Он подошёл ещё ближе.

Теперь между нами было меньше шага.

Опасное расстояние.

Очень.

— Ты сейчас предлагаешь разделить со мной войну?

Я фыркнула.

— Нет. Я сейчас сообщаю, что уже в ней, нравится вам это или нет.

Тишина.

Жаркая.

Совсем не связанная с котлом у стены.

Он смотрел на меня так, что я, кажется, впервые за всё время по-настоящему увидела, как внутри него сталкиваются сразу несколько Рагнаров. Глава клана. Мужчина. Дракон. Тот, кто привык защищать, и тот, кто только учится не душить защитой того, кого любит.

Ох.

Не надо.

Не сейчас.

Не смотрите на меня вот так, когда мы говорим о почти политическом договоре, потому что я потом слова забываю.

— Хорошо, — сказал он тихо. — Вместе.

У меня внутри что-то опасно дрогнуло.

Потому что он не спорил.

Не увиливал.

Не делал вид, что “подумает”.

Просто согласился.

И сделал это так, будто действительно имел в виду.

Ох, дорогой мой огненный дракон, вы когда-нибудь меня всё-таки добьёте.

Я отвернулась к полкам. Чисто для сохранения остатков здравого смысла.

— Отлично, — буркнула я. — Значит, раз уж мы теперь взрослые разумные люди, начнём вести себя соответственно. Мне нужны мои записи, кристаллическая соль, чёрный

шалфей, настой горечника, и ещё я хочу проверить тот ледяной запах на аналогии. Если “зимняя привязка” работает через след, значит, след должен где-то держаться. На ткани, на воске, на металле, на коже — на чём угодно.

— Алина.

— Что?

— Ты сейчас уже работаешь?

Я обернулась.

— А что ещё, по-вашему, я должна делать? Сесть у стены и красиво осознать масштаб угрозы?

— Ты устала.

— Я в браке с драконом, на которого покушались раз восемь, вокруг меня ледяные, культ огня, сорванный ритуал и международное давление. Усталость — это теперь моя базовая комплектация.

Он выдохнул.

И в следующую секунду оказался рядом так быстро, что я даже не успела сделать шаг.

Его ладони легли мне на плечи.

Тяжёлые.

Тёплые.

Слишком правильные.

— Стой, — сказал он тихо.

Я замерла.

Потому что одно дело — спорить с ним в зале.

И совсем другое — стоять вот так в своей лавке, когда он

держит меня за плечи так, будто пытается не прижать к себе только потому, что я ещё не договорила.

— Что? — шепнула я.

— Ты не обязана тащить всё на себе сразу.

Ох.

Ну вот.

А я уже почти собралась быть железной.

— А вы не обязаны тащить всё без меня, — так же тихо ответила я.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга.

И это, если честно, было гораздо опаснее любой дипломатии.

Потому что в зале можно язвить. Можно спорить. Можно прятаться за формулировками.

А здесь, в лавке, между банками, травами и нашими новыми, ещё неуклюжими, слишком живыми “вместе”, прятаться было уже почти некуда.

— Ты невозможная, — произнёс он.

— Спасибо. Это я уже слышала.

— И всё равно идёшь в самое опасное место первой.

— Потому что вы слишком медлительный для катастроф мужчина.

Уголок его рта дрогнул.

Потом он вдруг отпустил меня — неохотно — и кивнул в сторону стола.

— Работай. Я слушаю.

О.

Хорошо.

Прямо очень хорошо.

Я тут же развернулась к полкам. Работа всегда была лучшим способом не сойти с ума, не заплакать, не поцеловать кого не надо в середине важного разговора и вообще остаться функциональной единицей.

Я быстро сняла с верхней полки коробку с сухими травами, достала записи, разложила на столе чистые чашки и принялась говорить уже в привычном аптечном ритме.

— Значит, так. Если ледяной след может тянуть связь, нам нужно три вещи. Первое: научиться его распознавать до того, как меня куда-нибудь “поведёт”. Второе: найти способ временно перебивать его. Третье: понять, это работает только на меня или на связь между нами обоими.

Рагнар стоял напротив стола и слушал так внимательно, что мне даже стало неловко. Нет, не от внимания. От того, как естественно теперь он тут смотрелся. Как будто ему вообще место в моей лавке. Как будто он не случайный властный дракон, а часть этой новой, невозможной, но уже живой конструкции.

Очень опасная мысль.

Я откашлялась.

— И ещё вопрос.

— Какой?

— Когда вы собирались рассказать мне всё, что знаете про

связь? Не общие красивые фразы. Всё.

Он помолчал.

— Сегодня.

Я подняла голову.

— Правда?

— После Совета.

— То есть после того, как меня уже успели бы официально потребовать, привязать, запугать и политически обсудить?

— Да.

Я посмотрела на него тяжело.

— Это был плохой план.

— Согласен.

Ох.

Опять.

Нет, ну это уже просто издевательство над моей системой сдерживания. Когда он спорит — я держусь. Когда упрямится — я держусь. Когда грозно сверкает глазами — тоже как-то справляюсь.

Но когда вот так спокойно говорит “согласен”, мне сразу хочется то ли простить, то ли стукнуть, то ли поцеловать. Иногда всё одновременно.

— Ладно, — буркнула я. — Засчитываю как редкий приступ здравомыслия.

Я принялась растирать чёрный шалфей со щепоткой соли. Запах пошёл терпкий, горький, успокаивающий. Хороший запах. Рабочий.

— Объясните мне тогда нормально, — сказала я, не поднимая глаз. — Что такое этот “узел”. Только без ваших любимых полунамёков.

— Это неофициальный термин, — ответил он. — Так называли точку, через которую можно зацепиться за связь пары, если она нестабильна или повреждена.

Я замерла со ступкой в руке.

— То есть меня можно использовать как вход.

— Возможно.

— А вас?

Он медленно покачал головой.

— Напрямую сложнее. Удар по дракону встречает силу клана. Удар по женщине в связке — мягче.

Я медленно выдохнула.

Ну конечно.

Конечно.

Как это поразительно удобно для древних уродов: всегда легче ломать не того, кто сильнее, а того, через кого его можно согнуть.

Ничего не меняется. Меняются только декорации.

— А если “узел” укрепить? — спросила я. — Сделать связь стабильнее? Или наоборот замаскировать?

— Я не знаю.

Я вскинула взгляд.

— Вот это сейчас было честно?

— Да.

— Хорошо. Тогда мы движемся в правильном направлении.

Я высыпала смесь в чашу, добавила настой горечника, капнула три капли прозрачной смолы и снова начала мешать.

— Смотрите, — сказала я. — Я пока не могу снять то, чего ещё не вижу. Но могу попробовать собрать проявитель. Что-то, что будет реагировать на ледяной след, если он уже на мне, на вещах или в магическом поле рядом.

— Опасно?

— Всё интересное — опасно, — машинально ответила я. — Но нет, не смертельно. Надеюсь.

Он приподнял бровь.

— Очень воодушевляет.

— А вы что хотели? Я в новом мире, работаю с драконьей магией, ледяным следом и культами, о которых вы сами вспоминаете через раз. У меня тут не лаборатория с грантами, а подвал и упрямство.

Уголок его губ снова дрогнул.

Я заметила. Конечно заметила.

И, конечно, это снова подействовало.

Ненавижу.

Смесь в чаше стала мутно-серебристой. Хорошо. Уже неплохо. Я потянулась за кристаллической солью на верхней полке, но не достала. Ещё бы. Полка висела высоко, я после двух суток нервной жизни была не в лучшей форме, а мир, как всегда, решил, что мне полезно помнить о своём росте.

Рагнар молча протянул руку через меня и снял банку.

Слишком близко.

Слишком легко.

Слишком...

— Спасибо, — сказала я чуть хриплее, чем собиралась.

— Пожалуйста.

И не ушёл.

Так и остался стоять рядом, пока я брала у него банку.

Ох.

Нет.

Не надо.

Пожалуйста, не стойте так близко, когда я пытаюсь варить нечто потенциально спасительное, потому что спасти тогда придётся не только от ледяной магии.

Я отступила на полшага.

Он заметил.

Конечно.

И вот это уже было совсем нечестно, потому что в его глазах на секунду мелькнуло то самое тихое понимание, от которого у меня внутри сразу становится слишком жарко для серьёзной беседы.

— Мы ещё не закончили, — сказал он.

Я вскинула голову.

— С чем именно?

— С договором.

Ах да.

Точно.

У нас тут, оказывается, не только состав против зимней привязки, но и попытка научиться быть мужем и женой без взаимного удушения.

— Тогда говорите, — кивнула я.

Он выпрямился. Лицо снова стало серьёзным, но уже не холодным. Скорее собранным.

— Мои условия.

Я упёрла руку в бок.

— О, замечательно. Пошли брачные поправки.

— Первое. Если чувствуешь что-то странное — жар, холод, тягу, головокружение, смену запахов, сны, голос, любое изменение — ты говоришь мне сразу.

— Согласна.

— Без упрямства.

— Я сказала — согласна, не злоупотребляйте удачным моментом.

— Второе. Без охраны ты больше никуда не идёшь.

Я открыла рот.

Он поднял руку.

— Не спорь. Это не клетка. Это цена за то, что ты остаёшься свободной внутри замка и работаешь в лавке.

Я закрыла рот.

Подумала.

Снова открыла.

— Трое.

— Что?

— Не больше трёх рядом. Иначе я буду чувствовать себя не аптекарем, а государственной тайной на прогулке.

Он почти усмехнулся.

— Двое.

— Хорошо. Но таких, которые не будут дышать мне в затылок, когда я варю что-то сложнее чайного настоя.

— Согласен.

Вот это уже было похоже на брак.

Страшно сказать, но да.

— Третье, — продолжил он. — Никаких одиночных вылазок, если улика ведёт в проходы, северное крыло или за стены замка.

— Вы ужасно умеете портить мне любимые способы находить приключения.

— Я стараюсь.

— Вижу.

Я снова мешала состав, уже почти машинально. Но в голове, под всем этим разговором, крутилась одна важная мысль. Самая важная. Та, ради которой, если честно, я вообще затеяла весь разговор.

Я поставила ложку.

Очень аккуратно.

Подняла на него взгляд.

— И последнее.

Он сразу подобрался.

Как будто понял: вот сейчас будет главное.

Правильно понял.

— Если они хотят использовать меня как ключ, — сказала я тихо, — я первой должна знать, к чему именно.

Тишина.

За дверью шагнули стражники.

Где-то в дальнем коридоре кто-то тихо хлопнул дверью.

В чаше на столе серебристая смесь медленно оседала на дно.

А мы смотрели друг на друга.

— Алина...

— Нет, — перебила я. — Не “потом”. Не “когда станет ясно”. Не “я скажу, когда придёт время”. Первой. Сразу. Как только вы поймёте хоть что-то. Если во мне видят узел, если через меня можно ударить по связи, по клану, по вам, по ритуалу — я имею право знать это раньше всех. Раньше Совета. Раньше старших. Раньше ваших прекрасных древних хранителей, если они вообще ещё где-то вылезут из своих могил. Я. Первая.

Он молчал.

Очень долго.

И у меня сердце неприятно сжалось, потому что вот сейчас решалось куда больше, чем просто распределение информации.

Решалось, правда ли он видит во мне равную.

Или только хочет видеть — пока это не становится слиш-

ком опасно.

— Хорошо, — сказал он наконец.

Я не двинулась.

— Повторите.

Его глаза потемнели.

— Ты узнаешь первой.

Я выдохнула.

Медленно.

До дрожи.

Потому что, кажется, только сейчас по-настоящему поверила: да, мы действительно пытаемся построить что-то новое. Неловкое. Опасное. Живое. Но новое.

— Хорошо, — повторила я уже тише.

Он сделал шаг.

Потом ещё один.

Остановился прямо передо мной.

— Теперь моя очередь поставить условие.

Я сглотнула.

— Какое?

— Не умирай, пока мы только начали договариваться нормально.

Ну вот.

Ну вот как после такого не влюбиться окончательно?

Очень трудно.

Почти невозможно.

Я нервно улыбнулась.

— Слишком поздно. Я уже один раз попробовала. Впечатления так себе.

Он смотрел секунду.

Потом вдруг коснулся пальцами моего подбородка. Со всем легко. Но я уже знала: для меня это прикосновение теперь опаснее половины магических угроз.

— Алина.

— Что?

— Я серьёзно.

Я тоже стала серьёзной.

Сама.

Без усилия.

Потому что под всем этим — под язвительностью, под спорами, под условиями и словами — стоял его настоящий страх. И мой. И оба мы теперь это знали.

— Я тоже, — сказала тихо.

Он наклонился чуть ближе.

И вот именно в этот момент, как по заказу судьбы, в чаше на столе что-то резко зашипело.

Мы одновременно отдёрнулись.

Я обернулась.

Серебристая жидкость, до этого спокойно мутная, вдруг пошла тонкими голубыми прожилками. Одна. Вторая. Третья.

А потом вся смесь вспыхнула бледным ледяным светом.

Я уставилась.

Потом очень медленно перевела взгляд на свои руки.
На стол.
На воздух между нами.
И поняла:
состав среагировал не на ящик.
Не на свиток.
Не на ткань.
Он среагировал здесь.
Сейчас.
Внутри лавки.
Я подняла голову к Рагнару и тихо сказала:
— Похоже, они уже успели оставить след не у ворот.
А на мне.

Глава 4. Лавка против холода

Несколько секунд мы оба просто смотрели на чашу.

Серебристая смесь в ней продолжала светиться тонким ледяным светом — ровно, спокойно, без вспышек и истерики. Как будто не предупреждала о магической гадости на моей шее, а очень вежливо сообщала: “добрый день, у вас тут проблема”.

Прекрасно.

Я очень медленно выдохнула.

Потом ещё раз.

Потом перевела взгляд на свои руки.

Ногти не посинели.

Кожа обычная.

Пальцы слушаются.

То есть внешне я по-прежнему выглядела как женщина, у которой просто тяжёлые отношения, хроническая усталость и склонность варить подозрительные жидкости в подвале.

А внутри, похоже, уже кто-то начал привязывать меня к ледяному кошмару.

— Сколько? — тихо спросил Рагнар.

Я вскинула голову.

— Что?

— Насколько сильный след?

Вот это был хороший вопрос.

Правильный.

Рабочий.

Не “кто виноват”, не “как это произошло”, не “кого сжечь первым”.

Сколько.

То есть он уже думал в ту же сторону, что и я.

Приятно.

Очень.

И бесит, потому что приятно.

— Не знаю, — честно сказала я. — Это первый состав. Он только показывает наличие реакции. Не глубину. Не источник. Не скорость. Пока я могу сказать одно: ледяной след здесь есть. И он сработал не на ящик, а на меня.

Он шагнул к столу.

Посмотрел на чашу.

Потом — на меня.

И в его лице было то самое выражение, от которого у меня обычно либо дрожали колени, либо активировалось желание срочно спорить. Сейчас почему-то сработало и то и другое.

— Ты к чему-то прикасалась после двора? — спросил он.

Я быстро прокрутила в голове.

Ящик.

Свиток.

Кинжал.

Рукав платья.

Стол в зале.

Его ладонь.

Ох.

Нет, вот этот пункт сейчас вообще не помогает расследованию.

— К свитку — через нож, — сказала я. — К ящику на прямую — нет. К браслету — нет. К ткани тоже нет. После этого только свои вещи, стол, дверь, перчатки... и вы.

Его взгляд чуть изменился.

— Я?

— Ну да, — сухо ответила я. — Вас я тоже, к сожалению, трогала. Местами даже добровольно. Но не думаю, что ледяной клан уже настолько изощрён.

Уголок его рта дёрнулся.

Совсем чуть-чуть.

И я вдруг с облегчением поняла: хорошо. Если он ещё способен почти улыбнуться, значит, мы не на стадии “всё пропало”.

Пока.

— Значит, ищем источник, — сказал он.

— И не один. Потому что если они работают через след, он мог попасть на меня не только сейчас.

Я повернулась к полкам и резко собрала волосы в тугой узел. Работать. Только работать. Иначе я сейчас начну представлять, как однажды просыпаюсь среди ночи и сама иду в сторону ледяного клана, как особенно вежливая идиотка.

Нет уж.

Спасибо.

Не хочу.

Я вытащила с нижней полки ещё две чаши, чистую ткань, пинцет, мерную ложку и свою большую тетрадь с записями.

— Так, — сказала уже вслух, больше себе, чем ему. — Нужен разделитель. Проверим одежду, кожу, волосы, украшения, воздух в лавке и всё, что было на мне после двора.

— И меня, — сказал он.

Я подняла взгляд.

— Что?

— Если след работает через связь, он мог зацепиться не только за тебя.

О.

Ладно.

Ещё один правильный вопрос.

Проклятье, как же раздражает, когда мужчина красивый, умный и в кризисе не тупит. Это буквально нечестная конкуренция с моим сарказмом.

— Хорошо, — кивнула я. — Вас тоже. Но сначала меня.

Я уже потянулась к новой смеси, когда дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова одного из стражников.

— Лорд?

Мы оба повернулись.

— Что? — одновременно спросили с Рагнаром.

Стражник моргнул.

Кажется, только что понял, что вмешался в какой-то очень

странный супружеский ритуал с зельями, напряжением и общей атмосферой “ещё шаг — и оба укусят”.

— Простите, — быстро сказал он. — К вам служанка из верхнего крыла. Говорит, плохо одной из девушек. Слабость, озноб, руки не слушаются. Просит леди Алину.

Я замерла.

Потом медленно повернулась к Рагнару.

Он — ко мне.

Ну конечно.

Ну а как иначе.

Вселенная явно решила, что нам с ледяным следом и внутренним прорывом на сегодня мало. Нужно ещё немного бытовой медицины с подозрительным магическим оттенком.

— Ведите, — сказала я.

— Нет, — одновременно произнёс Рагнар.

Я уставилась на него.

— Вы серьёзно?

— Сначала проверим тебя.

— А потом, если у девушки реальная проблема, можно будет очень красиво опоздать?

Он шагнул ближе.

— Алина, если след уже на тебе—

— А если след уже и на ней? — отрезала я. — И на других? И если это не только про меня, а про замок? Тогда сидеть здесь и проверять мои волосы по одному — прекрасный способ дать этой дряни расползтись дальше.

Он молчал секунду.

Я уже видела по глазам, что спорить хочет.

Очень.

Но логика, зараза такая, снова была на моей стороне.

Какая насыщенная у меня сегодня личная жизнь с собственной правотой.

— Идём вместе, — сказал он наконец.

— Вот это уже звучит как взрослая договорённость.

— Не начинай.

— Даже не собиралась. Я, между прочим, сейчас само спокойствие. Внутри, конечно, ору. Но снаружи — образец профессионализма.

Служанку привели почти сразу. Совсем молоденькая, бледная, напуганная. Она мялась у двери, будто извинялась уже просто за сам факт собственного недомогания. Очень знакомый типаж. Женщинам вообще почему-то с детства объясняют, что болеть надо тихо и желательно удобно для окружающих.

Ненавижу эту традицию.

— Как зовут? — спросила я, уже собирая сумку.

— Линна, леди.

— Где девушка?

— В прачечной для верхнего крыла. Она... — служанка сглотнула. — Она сначала просто замёрзла. А потом не смогла поднять ведро. И пальцы посинели.

Я быстро переглянулась с Рагнаром.

Плохо.

Очень.

— Когда началось?

— После полудня, леди. Но она боялась жаловаться.

Конечно.

Прекрасно.

Значит, либо замок нас опять радует культурой “потерпи, само пройдёт”, либо враг специально бьёт по тем, кто никому не покажется значимой целью.

И это уже совсем нехорошо.

Мы пошли наверх вчетвером: я, Рагнар и двое стражников. Видимо, теперь даже путь до прачечной у меня проходил как дипломатическая процессия в кризисное время.

Ладно.

Пусть.

Если сегодня меня окончательно решили охранять, то хотя бы с пользой.

Прачечная встретила нас паром, влажным воздухом и запахом мыла. Нормальный, домашний, почти уютный запах. Если не считать того, что у стены на лавке сидела девушка с синеватыми пальцами и таким взглядом, будто она уже мысленно попросила прощения у всех, кого успела разочаровать своим состоянием.

Вот уж нет.

— Не двигайся, — сказала я, подходя ближе. — И не вздумай сейчас извиняться. Даже не начинай. Я на это аллергич-

на.

Девушка моргнула.

— Простите, леди, я не хотела—

— А вот и начала, — вздохнула я. — Великолепно.

Я присела перед ней, осторожно взяла за запястье.

Кожа холодная.

Пульс частый.

На ногтях синеватый налёт.

На виске — ледяная испарина.

Я нахмурилась.

— Болит?

— Нет... ломит. И внутри будто пусто. И холодно. Но здесь же жарко, — растерянно прошептала она.

Я кивнула.

Да.

Очень похоже.

Не на обычную простуду.

Не на истощение.

На магический отток.

Или на след.

Проклятье.

— Ты сегодня была у северных ворот? — спросила я.

— Нет, леди.

— Во дворе? В зале? Рядом с посольством?

Она покачала головой.

— Нет. Я только бельё разбирала и носила чистое в ком-

наты.

Я резко подняла голову.

— В какие комнаты?

Она сглотнула.

— В покои старших. И... — совсем тихо добавила: — в ваши тоже, леди.

О.

Ну вот.

Вот и первый кусочек прекрасной мозаики.

Я медленно выдохнула.

— Что именно ты несла в мои комнаты?

— Платье после приёма, полотенца, новый платок для умывальной... ещё воду меняли.

Я закрыла глаза на секунду.

Отлично.

Если след занесли не через двор, а через внутренние помещения, значит, враг уже либо внутри, либо имеет к нему доступ через слуг, прачечные, воду, бельё — да через что угодно.

То есть мы опоздали.

Не катастрофически.

Но уже опоздали.

Рагнар, судя по лицу, пришёл к тому же выводу.

Он опустился на корточки рядом со мной — слишком большой, слишком красивый, слишком неуместно внушительный для прачечной — и тихо спросил:

— То же?

— Похоже, — ответила я так же тихо. — Но слабее. Иначе бы она уже не сидела.

Я достала из сумки флакон с согревающим составом, открыла, дала девушке понюхать.

Она дёрнулась.

Хорошо. Реакция есть.

Потом накапала на запястье пару капель проявителя из новой смеси. Жидкость сначала осталась обычной, а через секунду пошла тонкими бледно-голубыми жилками.

Да чтоб вас.

— Так, — сказала я уже жёстче. — Все, кто сегодня был в моих покоях, прачечной и верхнем коридоре, проверяются. Немедленно. И никто ничего не трогает без перчаток.

— Сделаю, — коротко сказал Рагнар.

Я глянула на него снизу вверх.

— Вот так сразу?

— Ты опять права.

Нет.

Ну нет.

Это уже просто издевательство.

— Прекратите делать это таким тоном, — пробормотала я.

— Каким?

— Тем самым, после которого мне трудно помнить, что я вообще-то злюсь.

У него дрогнули губы.

Совсем немного.

Но я, конечно, заметила.

И сразу захотела отвернуться, потому что момент был совершенно не тот, а тело всё равно реагировало. Что, в общем, свинство с его стороны и предательство с моей.

Я быстро вернулась к девушке.

— Выпей, — сказала, подавая ей разведённый состав. — Маленькими глотками. Не залпом. Не геройствуй. У меня и так тут день переполнен чужим упрямством.

Она послушно кивнула и выпила.

Через пару минут пальцы начали теплеть.

Цвет лица стал чуть живее.

Хорошо.

Не идеально.

Но хорошо.

Я поднялась и потёрла переносицу.

— Надо возвращаться в лавку.

— Зачем? — спросил Рагнар.

Я повернулась к нему.

— Потому что теперь у нас уже не один случай, а как минимум два. И потому что если холодный след может цепляться через вещи, бельё или воду, я хочу понять носитель. И быстро.

— Ты еле стоишь.

— Да. И это, как ни странно, не отменяет срочности.

Он смотрел несколько секунд.

Потом, не говоря ни слова, снял с плеч свой тёплый плащ и накинул мне на плечи.

Я замерла.

О.

Нет.

Вот так тоже нельзя.

Вообще.

— Вы сейчас решили убить меня окончательно? — спросила я тихо.

— Согреть.

— Не помогает.

— Лжёшь.

— Нагло, — согласилась я.

Он поправил ворот плаща у моей шеи. Совсем короткое движение. Но под ним у меня вдруг стало опасно тепло — не только от ткани.

Прачечная, служанки, мыло, ведра, ледяной след, магическая дрянь — и он, который просто поправляет на мне свой плащ, как будто это естественно.

Ничего естественного в этом вообще не было.

А хотелось, чтобы было.

Опасная мысль.

Крайне.

Обратно в лавку мы спустились уже быстрее. За нами тянулся шлейф слухов, тревоги и новых приказов. Замок за-

метно изменился за пару часов. Стражи стало больше. Слуги двигались резче. И в каждом коридоре теперь ощущалось то самое нервное электричество, которое бывает перед грозой или переворотом.

Моя лавка снова стала центром.

Не по желанию.

По необходимости.

И именно это меня, честно говоря, успокаивало.

Потому что когда всё разваливается, лучшее, что можно сделать, — начать лечить, считать, варить и задавать правильные вопросы. Работа — это хоть какая-то форма власти над хаосом.

Первым делом я разложила на столе чистые ткани, две чаши, соль, порошки и флаконы. Потом велела привести ко мне всех, у кого сегодня были странный озноб, слабость, ломота или онемение пальцев.

И люди пошли.

Сначала одна служанка.

Потом парень с кухни.

Потом прачка.

Потом помощник конюха.

И у каждого — что-то похожее.

Не сильное.

Смазанное.

Но узнаваемое.

Ломота.

Холод под кожей.

Вялость.

Ощущение, будто тело “не моё”.

У двоих — еле заметные голубые прожилки на ногтях.

У троих — проявитель дал слабую реакцию.

Это уже не случайность.

Это система.

А значит, враг не просто кинул на меня один след.

Враг начал прощупывать замок изнутри.

Прекрасно.

В моей лавке стало шумно, живо и почти по-домашнему деловито. Кто-то грел воду. Кто-то мыл чаши. Кто-то шептался у двери. Стражники пытались не путаться под ногами и очень старательно делали вид, что у них нет ни малейшего желания подслушивать. Получалось так себе.

Рагнар сначала стоял у стены, наблюдал и молчал.

Потом начал подавать чистые полотенца.

Потом — переставил тяжёлый ящик с сушёными корнями.

Потом — вообще сам принёс горячую воду, потому что ближайшая служанка банально не успевала.

Я заметила это не сразу.

А когда заметила — зависла на секунду.

Лорд огненного клана.

Глава рода.

Мужчина, из-за одного взгляда которого старшие сглатывали.

вают через раз.

И этот же мужчина сейчас молча держит мне таз с горячей водой, пока я проверяю очередную служанку на следы ледяной магии.

Вот и всё.

Теперь я пропала ещё сильнее.

Потому что такое, к сожалению, бьёт по сердцу более любой красивой угрозы.

— Что? — тихо спросил он, поймав мой взгляд.

— Ничего, — быстро сказала я. — Просто у меня внезапно сломалась привычная картина мира.

— Это не новость.

— Умолкните, вы мне мешаете профессионально восхищаться и злиться одновременно.

Его губы дрогнули.

И, что хуже всего, это заметила не только я.

Одна из старших служанок, стоявшая у шкафа, очень выразительно опустила глаза.

Ну да.

Конечно.

Теперь весь замок окончательно убедится, что у нас тут не просто союз, а что-то гораздо опаснее.

То есть живое.

К вечеру я уже чётко знала три вещи.

Первое: след в замке есть.

Второе: он распространяется не через прямой удар, а че-

рез бытовые маршруты — ткань, воду, перенос вещей, возможно, металл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.